

Пасечников И.А.

УДК 94=512.145:351.746.1 [(477.75)]

ЖАНДАРМЫ ПРОТИВ «СОВЕСТИ»: ЭПИЗОД БОРЬБЫ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ С ПАНИСЛАМИСТСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная страница истории противостояния органов политической полиции Таврической губернии и зарождавшегося национального крымскотатарского движения. Основное внимание сосредоточено на этапах развития прообраза первой партии крымских татар – организации «Совесть», а также на деятельности чинов Таврического губернского жандармского управления и Севастопольского охранного отделения, направленной на её ликвидацию. Предпринята попытка определения роли панисламистского сообщества в историческом процессе на территории Крыма в начале XX века.

Ключевые слова: Таврическая губерния; политическая полиция; Отдельный корпус жандармов; охранный отдел; панисламизм; крымские татары; национальное движение.

Анотація. У статті розглядається маловивчена сторінка історії протистояння органів політичної поліції Таврійської губернії і зародження національного крымськотатарського руху. Основна увага зосереджена на етапах розвитку прообразу першої партії крымських татар – організації «Совість», а також на діяльності чинів Таврійського губерньського жандармського управління та Севастопольського охоронного відділення, спрямованої на її ліквідацію. Зроблена спроба визначення ролі панісламістського товариства в історичному процесі на території півострова на початку XX століття.

Ключові слова: Таврійська губернія; політична поліція; Окремий корпус жандармів; охоронне відділення; панісламізм; крымські татари; національний рух.

Summary. The article examines the byway page of the political history of Crimea. Special attention was paid to the development of the prototype of the first Crimean Tatar national party – the organization «Conscience». An attempt to define the role of the pan-Islamic group in the historical process in the Crimea at the beginning of XX century was made. Also the activities of employees of the Taurida Governorate Gendarme Department and Sevastopol Guard department was deeply analyzed. The reason of the confrontation between two parties was the oppression of the religious schools of the Crimean Tatars by the Russian government, as well as ideas about cultural and national revival of the nation. The leading role in the «Conscience» belonged to the teachers and intellectuals, who partially professed social-democratic views. They also supported the idea of the revival of the Crimean Khanate and the alliance with the Turkey. The main task of the gendarmerie was the counteraction to any revolutionary or anti-government movements. With the help of the secret agents the surveillance of many members of the secret organization has been made. However, the sudden manifestation of the activity of the political movement among the Crimean Tatars, the lack of language skills and the lack of special agents caused great difficulties. This explains the failures of the police. In the article the little-known sources and archival documents had been used.

Keywords: The Taurida Governorate; the political police; The Special Corps of Gendarmes; the guard department; pan-Islamism, the Crimean Tatars, the national movement.

Актуальность темы. Начало XX века в истории Крыма и Северной Таврии богато событиями не только регионального, но и общегосударственного масштабов. Широкое распространение революционных идей, равно как и активизация национальных движений, привели к созданию множества отделений различных партий и организаций. Долгое время остававшееся в стороне от данных процессов крымскотатарское население, после поражения революции 1905–1907 годов и под влиянием исходивших из Османской империи панисламистских идей, постепенно стало все активнее проявлять себя в этом направлении, что проявилось в создании в 1910 году одного из прообразов первой национальной партии – организации «Совесть». Главным же противником её существования стали органы политической полиции Таврической губернии, призванные поддерживать политический порядок и охранение государственных устоев на вверенной им местности.

Среди исследователей, фрагментарно затрагивавших проблему возникновения и существования общества «Совесть», стоит назвать А. Кричинского, В. И. Королева и В. Г. Зарубина [1; 2; 3; 4]. Однако подробности, равно как тема деятельности жандармерии и «охранки», в противостоянии с которыми была связана вся история «Совести», остаются практически не освещенными. Данные факты вызывают научный интерес и актуальную необходимость в исследовании данного вопроса, который дополнит картину общественно-политической истории Крыма.

Объектом исследования являются политические процессы в Таврической губернии в начале XX столетия.

Предмет исследования – противостояние органов политической полиции и крымскотатарской организации «Совесть».

Цель работы состоит в определении роли панисламистского общества в истории национального движения крымских татар, а также специфики деятельности органов политической полиции, направленной на борьбу с ним.

Быстрый рост числа революционных групп, которым ознаменовался конец XIX – начало XX века в Таврической губернии, поначалу практически не отразился на крымскотатарском населении. В первые годы нового столетия национальное движение в его среде было малочисленным и делало лишь первые шаги. Несмотря на попытки общероссийских леворадикальных партий вести агитацию среди крымских татар, серьезных результатов она не приносила. Число татар в рядах этих организаций исчислялось единицами, а

ЖАНДАРМЫ ПРОТИВ «СОВЕСТИ»: ЭПИЗОД БОРЬБЫ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ С ПАНИСЛАМИСТСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

их деятельность была малозаметной [1, с. 54]. Именно поэтому органы политической полиции губернии долгое время не рассматривали всерьез возможность создания крымскими татарами собственной централизованной антиправительственной группы или партии. Внимание жандармерии было обращено в этом плане лишь на единичные эпизоды пропаганды в крымскотатарских деревнях, которые не имели большого успеха и не могли в корне изменить существовавшего положения вещей [2, с. 92]. Однако уже в послереволюционные годы на полуострове усиливаются протурецкие и панисламистские настроения. Так, в 1908 году председатель городской управы Сулейман-мурза Крымтаев созвал в Бахчисарае делегатский съезд, убедив его принять резолюцию с призывом следовать младотурецкой революции. Некоторые муллы стали произносить в мечетях молитвы не за здравие царя, а за здравие турецкого султана. Также на полуострове начинают вести агитацию турецкие эмиссары, распространяя соответствующую литературу [1, с. 54]. Но панисламистское движение вначале не было четко оформленным и возглавлялось лишь небольшим числом зажиточных и занимающих известное общественное положение лиц. [3, с. 40]. Однако к концу первого десятилетия XX века наметилась тенденция усиления влияния идей панисламистов среди населения. Это было в значительной степени связано с ужесточением политики царского правительства относительно мусульманских учебных заведений. Новые положения и циркуляры предусматривали удаление из них учителей-турок, переход всех губернских мектебе-руштие в ведение Министерства народного просвещения, существенное изменение учебных программ, а также закрытие школ, в случае несогласия их содержателей подчиниться новым правилам. Естественно, что подобные действия встретили глубокое недовольство со стороны части мусульманской учительской интеллигенции, наиболее активные представители которой решили противостоять таким нововведениям [4, с. 112–113].

В первые числа июня 1910 года в мечети Симферополя были подброшены отпечатанные на гектографе прокламации на крымскотатарском языке под заглавием «Совесть», которые незамедлительно были переданы для изучения в Таврическое губернское жандармское управление [5, л. 7]. По словам штатного переводчика, воззвание было написано интеллигентом, приехавшим из Турции, так как содержало много малопонятных турецких и арабских слов. Из-за этого жандармам пришлось делать 4 перевода, чтобы получить сколько-нибудь грамотный русский текст [6, л. 1]. Из содержания листовок было видно, что «неизвестное общество ставит своей целью «работать в пользу священной веры, несчастной своей нации и слепо отданной родины», а также распространять идеи национально-культурного самосознания и воспитания татар в духе враждебном России и правительству» [7, с. 129]. Конечной же его целью провозглашалось «образование самостоятельного татарского царства в России» [6, л. 109].

Полная неограниченность данного происшествия, равно как и факт существования, незамеченной прежде, подпольной организации среди крымских татар, вызвали смятение среди представителей местной политической полиции [6, л. 128]. Об инциденте незамедлительно были проинформированы чиновники МВД, а также налажено взаимодействие с сотрудниками Севастопольского охранного отделения. Все силы агентуры были брошены на выяснение личностей руководителей и участников «националистического татарского сообщества» [6, л. 39].

Уже 9 июня в секретном донесении в Департамент полиции начальник Таврического жандармского управления, полковник К. П. Немирович-Данченко сообщал, что в пределах Ялтинского уезда живет предполагаемый глава подпольной организации – турецко-подданный Мустафа Курт-Заде (также известный как Мустафа Нурредин), имеющий различные паспорта [6, л. 6]. По информации агентуры, ранее он учился в военном училище в Константинополе и за участие в революционном движении находился в розыске у турецких властей [3, с. 41]. Бежав в Крым, он временно преподавал татарский и арабский языки в одном из руштие Симферополя [6, л. 6]. Кроме чтения своих предметов, он тайно посвящал учеников старших классов в историю Турции, убеждал их в необходимости восстановления Крымского ханства, которое «должно отдаться под защиту турецкого султана, так как последний является халифом и естественным покровителем мусульман всего света». Эту мысль Мустафа предлагал ученикам распространять и в народе по окончании ими обучения и возвращении в деревню [8, с. 27]. К данному же моменту он покинул школу, якобы по болезни, а на деле – чтобы активизировать революционную деятельность [6, л. 6]. Поселившись в деревне Корбек (ныне Изобильное), Алуштинской волости, он разъезжал по селениям в красной феске и военной куртке, с чемоданом, набитым прокламациями. Также в его квартире, якобы, находилось большое количество металлических трафаретов с татарскими буквами [3, с. 41; 6, л. 19].

Чуть позже были установлены имена некоторых предполагаемых соратников Мустафы Курт-Заде, большинство из которых являлись учителями мектебе. Среди них жандармы особо выделяли, как серьезных пропагандистов: в Симферополе – турецко-подданного Шукри-эфенди; в деревне Сююрташ (ныне Белокаменное) – Абдул-Азиза-эфенди; в Бахчисарае – Сулеймана-Мурзу Крымтаева, Эмира Каишиева, Али и Асана Ахмет-Тарпи; в Карасубазаре – турецко-подданных Юсуф-Рису и Февзи-эфенди; в Феодосии и Старом Крыму – Менсеита Джимилева; в Алуште – Амди-эфенди и Измаила Арабского; в деревне Дереккой – Абдул-Алима-эфенди; в деревне Корбек – Аджи-Бекира-эфенди и Абдул-Алима [1, с. 55; 3, с. 41; 6, л. 9–11].

Добавила беспокойства полиции и информация о проведении импровизированного митинга в Алуште, на котором перед толпой крымских татар выступил представитель «Совести» из Алупки, литератор и издатель книг Асан-Сабрий Айвазов [6, л. 15]. В своей речи он заявил о необходимости «единения, сплочения и борьбы для достижения своей конечной цели – образования самостоятельного мусульманского государства». Но ближайшей задачей крымских мусульман он назвал необходимость «отстаивать всеми

мерами и не разрешать закрывать существующие конфессиональные школы, так как окончившие таковые могут принести большую пользу народу». [7, с. 127].

Выявление среди предполагаемых членов общества большого числа преподавателей татарских школ позволило чинам Отдельного корпуса жандармов использовать этот факт в своих целях. 14 июня ими, для освещения деятельности «Совести», был приглашен в качестве секретного сотрудника татарский учитель, который, однако, к означенной организации не принадлежал. Проработав всего два с половиной месяца, он довольно скоро указал на многих участников и лидеров, но глубоко войти в курс дела не смог. В то же время большинство из его сведений подтверждались лишь отчасти [6, л. 128]. Так, из-за халатности новоявленного сотрудника, не сообщившего вовремя о готовящемся съезде партработников «Совести», жандармам не удалось провести запланированную ликвидацию организации [6, л. 63]. Лишь позже, через третьих лиц, им удалось выяснить, что съезд прошел 17 июля в помещении мектебе на станции «Сарыголь» под Феодосией [6, л. 20]. На тайном мероприятии, председателем которого являлся турецко-подданный учитель керченского крымскотатарского училища Эшреф-эфенди, присутствовали 15 человек [6, л. 24]. Однако же цели съезда и принятые на нём резолюции остались для чинов политической полиции тайной [6, л. 63].

Подобные неудачи, равно как и информация о растущей активности «Совести» в Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском уездах, а также Керчь-Еникальском градоначальстве вызывали недовольство Департамента полиции, требовавшего скорейшего выяснения личностей всех участников общества и его ликвидации [3, с. 41; 6, л. 11].

Пытаясь найти возможную зацепку в сообщениях прошлых лет, начальник Таврического губернского жандармского управления полковник К. П. Немирович-Данченко обратил внимание на донесения о татарском движении уволенного ранее секретного сотрудника Ибрагима-Бея Балатукова (кличка «Жук») [9, л. 452]. Будучи вызван в управление, тот сообщил, что в Крыму давно существуют прогрессивные группы татар, придерживающихся программы социал-демократов, ведущих агитацию и производящих сбор денег, которые затем перевозятся в Турцию на военные цели. По словам «Жука», представители общества «Совесть» проживали почти во всех городах полуострова. В обязанности же их, помимо прочего, входило привлечение к пропаганде сочувствующих лиц [6, л. 29]. Также он упомянул, что члены организации часто собираются для агитации в кофейнях, либо, как в Феодосии, проводят ежемесячные собрания под видом обсуждения благотворительных дел [6, л. 30, 38]. В завершение беседы Балатуков назвал имена многих деятелей, связанных с панисламистами. Однако в будущем произвести их полную установку по адресному столу Немирович-Данченко не смог, так как большинство лиц не были прописаны, а некоторые имена были исковерканы до неузнаваемости [6, л. 30].

В своем докладе в Севастопольское охранное отделение относительно показаний «Жука», глава жандармского управления сообщал, что даже если бы у него был полный список имен, то он бы затруднился в установке наблюдения, так как не имеет достаточного количества подходящих людей, знающих татарский язык. Возвращение же назад на службу «Жука», ведущего нетрезвый образ жизни, он считал слишком рискованным. Также полковник упомянул, что, по его мнению, представители «Совести» исповедовали лишь отдельные идеи партии социал-демократов, но создали собственную организацию, отличную от общероссийских [6, л. 31].

В ответном сообщении начальник «охранки» высказал мысль, что, учитывая подобный характер и структуру «преступного национального сообщества», реально произвести лишь его одномоментную ликвидацию в местах проживания главных активистов. Своему симферопольскому коллеге он также рекомендовал временно воздержаться от проведения одиночных обысков, если для таковых нет особо важных причин [6, л. 27].

Конец июля и август 1910 года сотрудники жандармерии и охранного отделения посвятили выявлению всех участников тайной организации [10, л. 1]. Путем установления строго наружного наблюдения, о чем свидетельствуют почасовые сведения наблюдателей, чинам политической полиции стало известно, что главным центром «Совести» является Симферополь, а пропагандистская литература поступает из Константинополя, куда за ней, например, ездил представитель судакского отделения Сулейман-эфенди. Прокламации же печатались в Бахчисарае, но неизвестно кем [3, с. 42; 6, л. 112].

6 сентября начальник севастопольской «охранки» сообщил, что в Ялтинском уезде все члены организации установлены, но далее проверять их наружным наблюдением невозможно, так как они живут по небольшим татарским селениям, а появление там филеров может повлечь за собой разоблачение последних [6, л. 72]. Он также предложил начальнику Таврического жандармского управления в скором времени провести одновременную ликвидацию по всей губернии, но заранее просил уведомить его, закончена ли установка указанных агентурой членов сообщества. Полковник Немирович-Данченко ответил утвердительно, после чего начальниками двух органов политической полиции была выбрана дата – ночь с 15 на 16 сентября. Глава жандармерии отвечал за проведение обысков в Симферополе, Карасубазаре и Старом Крыму. Начальник же охранного отделения был ответственен за Ялтинский уезд [6, л. 73].

В Симферополе для ликвидации были задействованы 9 чинов наружной полиции и 20 человек городских, которым приказали собраться к 22.00 в здании городского полицейского управления [6, л. 78]. После этого, при личном участии начальника губернской жандармерии, сотрудники произвели обыски у 8 лиц, среди которых были турецко-подданный Мехмед Риза Муртаза-оглы, Богданий Бренер, гимназист Сеит Фейзулла Мемет, студент Мойша Султанский, мещане Смаил Мамут и Абдул Гамид Абдул Джемиль оглы и др.. Кроме этого жандармским ротмистром Д. Д. Леусом был произведен обыск в мектебе-руштии на Кладбищенской улице (ныне ул. Крылова). Однако везде ничего предосудительного, кроме личных переписок, газет и книг на турецком и персидском языках не было обнаружено. Все лица, у которых

ЖАНДАРМЫ ПРОТИВ «СОВЕСТИ»: ЭПИЗОД БОРЬБЫ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ С ПАНИСЛАМИСТСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

производились обыски, по распоряжению полковника Немировича-Данченко, были оставлены на свободе, а отобранные у них вещи препровождены в жандармское управление [4, с. 193–194].

С подобными же результатами завершились обыски, проведенные в Ялтинском уезде. Лишь у 6 лиц были обнаружены единичные экземпляры нелегальных изданий: у дворянина Умер-Мурзы Мансурского – брошюры «Ничего с нами не поделаешь» Некрасова и «Очерки современных казней» Владимирова; у мещанина Мембета Аединова – «История революционного движения в России» Туна; у учителя Смаила Керимджанова – «Хлеб и Воля» Кропоткина, «Американский и русский рабочий» Каутского, «Хлеб, свет и свобода» Пешехонова, «Кого и как выбирать во вторую Государственную думу» Ольговича и сборник статей «Наш путь»; у Измаила Мурзы Арабского различные брошюры и две тетради с выписками [3, с. 41]. Даже у руководителя «Совести» Мустафы-Курт-Заде было обнаружено только 20 печатных прокламаций на турецком языке с призывом жертвовать на турецкий флот, но без указания от кого именно исходит это воззвание [5, л. 7]. Единственным, что смогло вызвать серьезный интерес у полицейских чинов, оказалась разорванная прокламация на татарском языке с печатью Симферопольского комитета партии социалистов-революционеров. Это указывало на связь участников «Совести» с действовавшей в 1907 году революционной организацией [6, л. 110а]. Кроме этого было отобрано большое количество книг, писем и брошюр на татарском языке, в которых переводчики также ничего преступного не обнаружили [5, л. 8].

Таким образом, проведенная 16 сентября 1910 года попытка ликвидации организации «Совесть» совместными силами жандармерии, охранного отделения и общей полиции закончилась полным провалом. Об этом, в частности, свидетельствуют гневные телеграммы из МВД, в котором жандармское начальство требовало от полковника Немировича-Данченко отчета о причинах «полной безрезультатности ликвидации татарского сообщества «Совесть», не давшей даже указаний на существование названной организации» [6, л. 127, 131].

В оправдательном письме начальник Таврического губернского жандармского управления сообщал, что «выяснение деятельности членов нового общества, не имевшего связи с общероссийскими революционными организациями и среди населения замкнутого, говорящего на неизвестном агентам языке, представлялось делом крайне затруднительным». Кроме того, со стороны Немировича-Данченко была предпринята попытка перенести часть ответственности на начальника севастопольской «охранки». Так он указывал, что «проработать всю информацию не удалось, ведь наблюдение было ликвидировано по предложению начальника Севастопольского охранного отделения, который, видимо, имел основания не затягивать слежку. Краткость же времени и агентурного наблюдения привели к тому, что обыски были проведены не только у лиц, заслуживающих внимания, но и у людей, совершенно неосведомленных» [6, л. 128, 131]. Получив такие сведения, Департамент полиции рекомендовал полковнику продолжать слежку за предполагаемыми членами «преступной организации», не допускать впредь подобной поспешности, а также делать ставку на агентов, являющихся членами революционных групп, а не ведущих за ними лишь внешнее наблюдение [6, л. 142].

Несмотря на неудачу органов политической полиции, «Совесть», после проведенных обысков, так и не возобновила своей деятельности. Почувствовав неусыпное наблюдение со стороны имперских спецслужб и полиции, участники общества решили загнаться, либо искать другие пути борьбы. Также в скором времени многие из них были под разными предлогами уволены с занимаемых ими должностей, а Мустафа-Курт-Заде был и вовсе безвозвратно выслан из пределов Российской империи [4, с. 186, 194, 205; 11, с. 118]. Не способствовал новой волне активности «Совести» и ряд мер принятых Министерством внутренних дел по недопущению распространения панисламистской и пантюркской идей. Так в циркуляре от 7 октября таврическому губернатору В. В. Новицкому было сделано распоряжение «о самом тщательном наблюдении за появлением в Крыму лиц, прибывших из Турции с целью агитации среди татарского населения» [2, с. 239; 11, с. 101]. Кроме этого, с конца 1910 года в Таврическом жандармском управлении, по просьбе губернатора, стали собираться сведения относительно политической благонадежности и подверженности идеям панисламизма лиц, претендующих на духовные и преподавательские должности [2, с. 141].

В то же время, несмотря на временный упадок панисламистского воодушевления, знамя идей «Совести» в скором времени вновь было поднято её последователями. Так, весной-летом 1911 года в Симферопольском уезде действовал кружок крымских татар, именовавших себя бонистами (социалистами), а в Османской империи представителями интеллигенции продолжали издаваться и пересылаться в Крым различные прокламации. Сторонники панисламизма вели работу на полуострове даже в годы Первой мировой войны [1, с. 55].

Подытоживая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что, из-за специфики региона, революционные процессы в среде крымских татар в начале XX века вылились в оформленное панисламистское движение, ставшее полной неожиданностью для местной жандармерии и «охранки». Что же касается конкретно организации «Совесть», то она, по мнению доктора исторических наук, профессора В. И. Королева, имела почти все признаки партии, а поэтому её можно считать одной из первых, до конца не оформившихся крымскотатарских национальных партий, которая заложила свой кирпич в фундамент будущей политической борьбы народа [3, с. 54].

Источники и литература:

1. Зарубин В. Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) / В. Г. Зарубин // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – С. 53–84.
2. Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах : в 2 ч. / А. Кричинский. – Баку : Изд. Союза мусульман. труд. интеллигенции, 1919. – Ч. 1 : К истории религиозных притеснений крымских татар. – 1919. – 295 с.
3. Королев В. И. Крым и Северная Таврия в 1907–1917 гг. Страницы политической истории / В. И. Королев. – Симферополь : Таврия, 1995. – 72 с.
4. Кричинский А. К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар / А. Кричинский // Кримські студії. – 2004. – № 3–4 (25–26). – С. 95 – 233.
5. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 3, д. 729.
6. ГААРК, ф. 706 (Таврическое губернское жандармское управление), оп. 1, д. 329.
7. Кричинский А. Очерки политики российского царизма на окраинах : в 2 ч. / А. Кричинский. – Баку : Тип. Прикасп. союза п/о Кооперация, 1920. – Ч. 2 : К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар. – 1920. – 197 с.
8. Бочагов А. К. Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму / А. К. Бочагов. – Симферополь : Крымгосиздат, 1930. – 117 с.
9. Архив Главного Управления Службы безопасности Украины в Автономной Республике Крым (Архив ГУ СБУ в АРК), ф. 8, оп. 1, д. 022607, т. 1.
10. ГААРК, ф. 706, оп. 1, д. 314.
11. Кричинский А. К истории религиозных притеснений крымских татар / А. Кричинский // Кримські студії. – 2002. – № 3–4 (15–16). – С. 79–118.

Поляков В.Е.**УДК 63.3 (2) 622.5****РУМЫНСКИЙ ФАКТОР В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ КРЫМА**

***Аннотация.** Оккупация Крыма именно румынскими войсками стала полной неожиданностью для организаторов партизанского движения. Отношения населения и оккупантов были сложные. Режим оккупации способствовал восстановлению целой сети православных храмов. В составе партизан сражались отдельные представители румынской армии.*

***Ключевые слова:** Крым, румыны, партизаны, перебежчики, оккупация.*

***Анотация.** Окупація Криму саме румунськими військами стала повною несподіванкою для організаторів партизанського руху. Відносини населення і окупантів були складні. Режим окупації сприяв відновленню цілої мережі православних храмів. У складі партизан билися окремі представники румунської армії.*

***Ключові слова:** Крим, румуни, партизани, перебіжчики, окупація.*

***Summary.** The occupation of the Crimea Romanian troops was a complete surprise to the organizers of the partisan movement. This possibility was not considered entirely as a result in the units did not have translators to conduct counter-propaganda was not procured the appropriate font. The relationship of the population and the number of occupants of the Romanian troops were difficult.*

In mid-October 1941 of the 3rd Romanian Army came to the Crimea, and on October 31 the Romanian 1st Mountain Division on the boats crossed to the south bank of the Sivash. Official information about the beginning of the Crimean guerrillas fighting refers to November 4, 1941. From that date to begin writing in the Journal of the Crimean war headquarters of the partisan movement. According to the report the commander of the 4th guerrilla zone IV Bortnikova group Eupatorium squad ambush killed one officer and four motorcyclists. In the initial period of clashes between the guerrillas and the occupiers have occurred spontaneously. The success was on the side of the enemy who will notice first. Not knowing about the guerrillas, the Romanian soldiers and officers acted carelessly in the woods. On the one hand the occupation regime contributed to the restoration of a network of Orthodox churches on the peninsula, on the other hand the population is constantly conflicts with Romanian soldiers because of the numerous cases of looting and theft. The morale of the Romanian soldiers in the Crimea, especially in 1943 was very low, which resulted in numerous cases of transfer of Romanian soldiers to the guerrillas.

***Keywords:** Crimea, the Romanians, the guerrillas, deserters, occupation.*

Постановка проблемы. Противоборство румынских войск крымским партизанам в годы оккупации Крыма в 1941–1944 годов, как и участие румын в партизанском движении фактически оставалось «белым пятном» в истории.

Анализ исследований и публикаций. Несмотря на то, что проблемы оккупации Крымского полуострова всегда находились в сфере внимания историков, но непосредственно румынский фактор никогда не был объектом их исследований.

Целью настоящей статьи является стремление объективно рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных с участием Румынии, как в военных действиях в Крыму, так и в партизанском движении на полуострове.

Введение: Румыния – достаточно молодое государственное образование, которое возникло в 1859 году на обломках Турецкой империи. Уже на начальном этапе Второй Мировой войны Румыния утратила в пользу СССР – Бессарабию и Северную Буковину; в пользу Венгрии – Северную Трансильванию; в пользу